

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 28-го Марта 1910 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 9950.

БОЛЬНОЙ

Психологический этюдъ.

Звѣздная, холодная ночь. Я въ са-
ду. Длинная аллея. Въ карманѣ у ме-
ня веревка, которую я только что ку-
пилъ въ бакалейной лавченкѣ.

Я долженъ покончить всѣ разсчеты
съ жизнью. Боже мой, какая тоска,
какая тоска! И такъ гложетъ сердце!..

Душа моя давно уже ушла отъ это-
го мира. Я уже не понимаю, что мнѣ
говорять, и что говорю я. Я ничего не
чувствую. Остается одно тѣло. Но
если души уже нѣтъ, то кто управ-
ляетъ теперь моимъ тѣломъ? Вотъ я
иду, нервно рву пуговицу, смотрю въ
безконечно-темную даль, ощущаю хо-
лодъ... Ахъ, Боже мой, да не все ли
равю! Черезъ нѣкоторое время всѣ
эти вопросы не будутъ меня интересо-
вать.

Однако, это странно. Сегодня днемъ,
да и теперь вотъ, я невѣроятно страда-
ю и вдругъ—какъ это случилось?
Я стать равнодушенъ... Но когда же
это случилось? Вотъ только что я яс-
но чувствовалъ какую-то острую боль,
какъ будто кто-то тихо поворачивалъ
ножемъ въ сердцѣ. Вѣдь, чувствовалъ
я болѣну и... и вотъ теперь... о чёмъ,
бишь, я хотѣлъ сказать? Забылъ... О
чёмъ ж?.. Какъ мучительно вспоми-
нать то о чёмъ забываешь... да, да,
да... и отъ теперь мнѣ безразлично.
Почемуя не могу прослѣдить этотъ
процесс: сначала ощущеніе боли, по-
томъ... такое странное де-
рево! Оннапоминаетъ сгорбленного старика... снача-
ла ощущеніе боли, потомъ
вдругъ—ничего... Вотъ имен-
но задача: что не постепенно,
а вдрѣ. Вдругъ, какъ
бы сказал:

— Рраз! Ддва! Тррри!—
и ничего бѣть.

Впрочем, это дѣло психо-
логовъ.

Вотъ у менѣ закипаетъ
какая-то злѣа. И совершен-
но непонятѣ: на кого и по-
чому. Я такъ думаю, что ча-
са за два самоубійства
человѣкъ сидѣтъ съ ума.
Сначала сходитъ съ ума, а
потомъ убиваетъ себя. Ина-
че невозможъ. Въ здра-
вомъ разсудѣ не станетъ
человѣкъ цѣпить себѣ ве-
ревку на шею! Я сошелъ
съ ума. Но по-муже я сошелъ
съ ума! Какъ могутъ
вообще люди нать, когда
разсудокъ здрѣ, а когда
боленъ... Что яется кри-
териемъ въ дачомъ слу-
чаѣ?...

Скука. Холодъ. Я дрожу.
Когда мои зубы учатъ отъ
холода, мнѣ кажется, что
меня бьютъ палк по пят-
камъ, и потому Стать зу-
бы. Когда я былъ малень-

кимъ, мой репетиторъ вѣчно сѣкъ ме-
ня, и въ это время у меня всегда сту-
чали зубы.

Почему меня сѣкли? Странный ре-
петиторъ. И нашъ земной шаръ стран-
ный. И жизнь странная. Жизнь—это
папироза. Выкуришь—и нѣтъ ея. Я
дѣлаю теперь послѣднюю затяжку.
Скоро, скоро выкурится папироза, и
не будетъ той, которая... однако, что
мои часы напѣваютъ? Я часто люблю
подставлять часы къ уху и прислуши-
ваться къ ихъ однообразному ти-
канью... Сначала кажется однообразно,
а потомъ, когда прислушаешься—при-
ятно станетъ... Разскажутъ тебѣ объ
очень многомъ. И о томъ, какъ во-
кругъ дуба котъ ученый ходитъ... Кто,
бишь, это сказалъ? Не то Пушкинъ,
не то мой отецъ... Что это капаетъ?
Глупая, невинная слеза...

— Гу-у-у!.. Это шумятъ деревья.
Какъ онъ бываетъ оживленъ лѣтомъ,
этотъ садъ! А теперь ни единой души...
Пусто, тоскливо и мертвая тишина.
Какъ будто кладбище. А ну, давай
крикну:

— Ого-го-го!..

Ухъ, страшно! Кто это только что
насмѣхался надо мной? Лѣшій... Су-
ществуютъ лѣшіе? Когда-то я смѣял-
ся надъ такими вопросами, а теперь
мнѣ кажется, что они существуютъ...
Кто это? Кто тамъ стоитъ? Длинный,
черный, съ блѣдыми глазами... Лѣшій!
Это онъ! Онъ, онъ, онъ, онъ!...

— Ого-го-го!..

Опять кто-то насмѣхается
надо мной... Какъ жарко!...
Я весь вспотѣль. Съ чего
бы это?

Ни о чёмъ не хочу ду-
матъ.

Гдѣ моя жизнь? Куда она
ушла? Современемъ наука
дойдетъ до того, что пропав-
шія жизни будутъ отыски-
ваться и возвращаться владѣльцамъ.
И такимъ образомъ на землѣ воцарится
вѣчная жизнь. Но моей жиз-
ни уже не будетъ тогда. Я
ее выкурилъ...

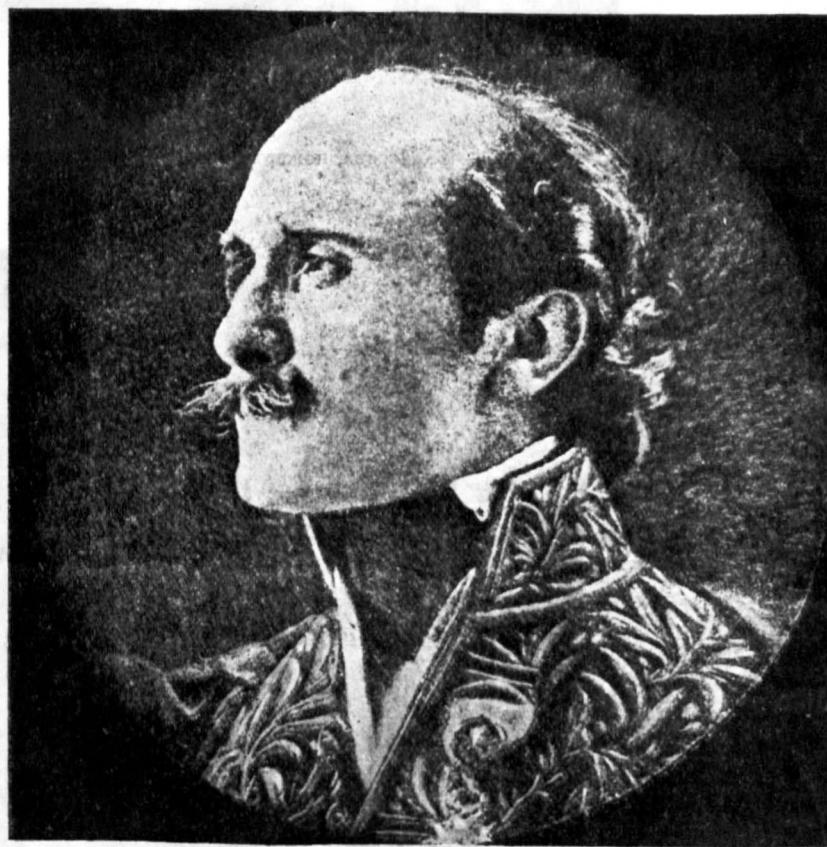
Все небо покрыто звѣз-
дами. Вонъ двѣ выгляды-
ваютъ изъ-за верхушекъ
деревьевъ. Къ чemu онѣ? Я
не понимаю, какъ люди жив-
утъ и не спросятъ: зачѣмъ
это? зачѣмъ то? Ну, зачѣмъ
эти звѣзды? Каждую ночь
онѣ появляются и каждое
утро исчезаютъ, и никто не
знаетъ: зачѣмъ? И зачѣмъ
солнце? И зачѣмъ все на
свѣтѣ?.. Проклятый міръ!..
Проклятый родъ людской!..
Вотъ у менѣ опять заки-
паетъ злоба. Мнѣ досадно,
что нѣтъ людей, а только
свинья рыла...

Вотъ мнѣ чудится какая-то
музыка. Какъ я люблю му-
зыку! Въ ветхомъ завѣтѣ

Мельхіоръ де Вогюэ.

Французскій писатель о Россіи, недавно скон-
чавшійся.

Эдмондъ Ростанъ.

Авторъ пьесы „Chantecler“.

Составитель Геннадий Смирновъ М. В. винтажъ
издательство М. А. М. винтажъ

написано, что первымъ изобрѣтателемъ музыкальныхъ инструментовъ былъ Иуваль. Какъ я полагаю, онъ вѣчно потиралъ руки. Всѣ музыканты такъ дѣлаютъ, когда не играютъ. Это происходитъ оттого, что руки у нихъ всегда работаютъ.

На свѣтѣ было два великихъ человѣка: Иуваль и Бетховенъ, и оба умерли. Вотъ мнѣ часто приходитъ въ голову какой-то мотивъ, и кажется, что его-то впервые и заигралъ Иуваль. Просто сѣлъ вотъ въ полѣ, около какого-нибудь пастбища, и заигралъ этотъ мотивъ, а стадо, пасущееся въ полѣ, стало прислушиваться. Вотъ онъ этотъ мотивъ:

— Та-а-а! Та-тата-та! Та-а-а-а...

Почему у меня колѣно дрожитъ... И въ вискахъ стучитъ... Что это у меня въ рукѣ? Часы. Нѣть, они не нужны мнѣ теперь. Я ихъ бросаю въ кусты.

Фу... во рту какой-то горький осадокъ. Душа болитъ...

— Гу-у-у!—шумятъ деревья.

Это было давно. Когда я былъ на военной службѣ. Однажды за какую-то провинность унтеръ-офицеръ грозилъ посадить меня на гауптвахту, и когда я стоялъ „во фрунтѣ“, я не думалъ о наказаніи. Мнѣ такъ было жаль этого унтеръ-офицера, такъ хотѣлось броситься ему на шею, зарыдать и сказать: „Дуралей ты, дуралей! Зачѣмъ ты кричишь? Вѣдь, и я и ты—мы оба несчастныя созданья“...

Но унтеръ-офицеръ не понялъ моихъ мыслей и посадилъ меня на гауптвахту.

Чудакъ.

Да, онъ былъ большой чудакъ. Онъ не понималъ жизни. И я не понимаю ее, и поэтому ухожу отъ нея.

Но какъ же повѣститься?

Надо взбраться на дерево, привязать веревку однимъ концомъ, а изъ другого сдѣлать петлю. Да, да, я взбираюсь на дерево. Какое оно холодное!.. Жиль въ петлѣ и умру въ петлѣ... Ай! Упалъ и больно ушибся... Опять взбираюсь... Боже, какое у меня радостное настроение... Блаженное состояніе... Ахъ, какъ колетъ въ боку!.. Привезалъ! Наконецъ-таки.. Теперь сдѣляемъ петлю, накинемъ ее на шею... такъ... прыгнемъ съ дерева... Ну! Чортъ побери!

Пальто зацѣпилось... Проклятое! Ну!..

Что-то ударило въ лобъ! И глаза болятъ... Но почему я не могу поднять правой руки... Ахъ, душно, душно, ду-ушно!...

И. С.

„Школьные товарищи.“

Картина В. Е. Маковскаго на XXXVIII передвижной выставкѣ.

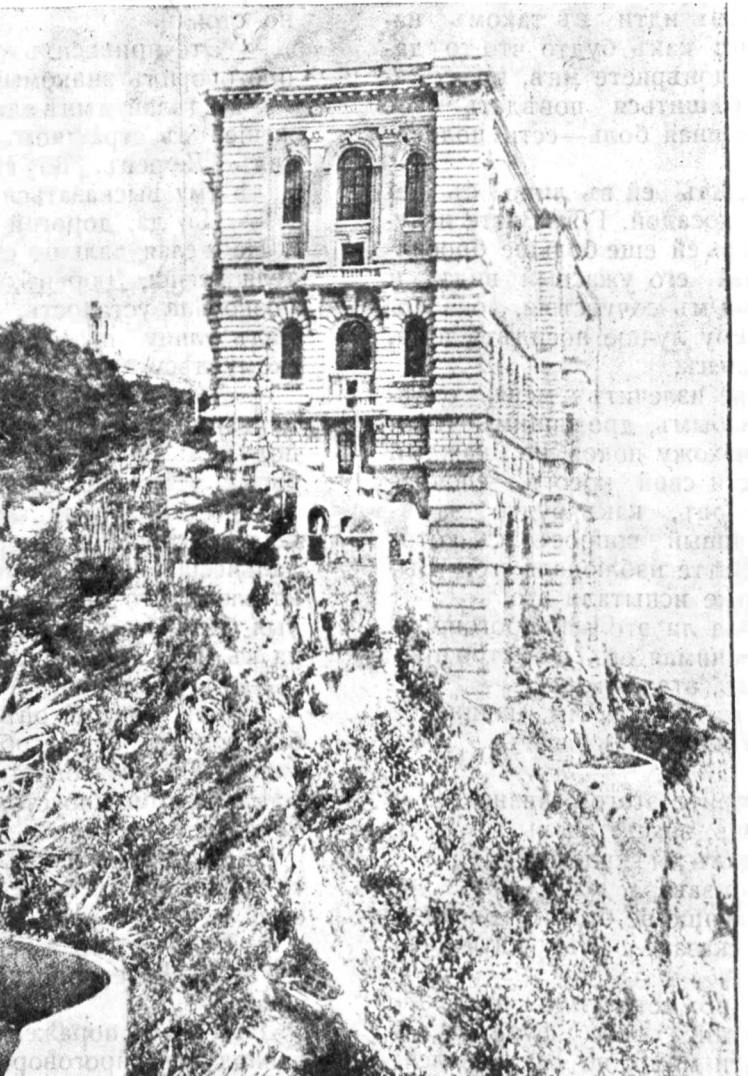
„Ботаникъ“.

Картина В. Г. Перова, пожертвованная Третьяковской галлереи М. А. и М. К. Морозовыми.

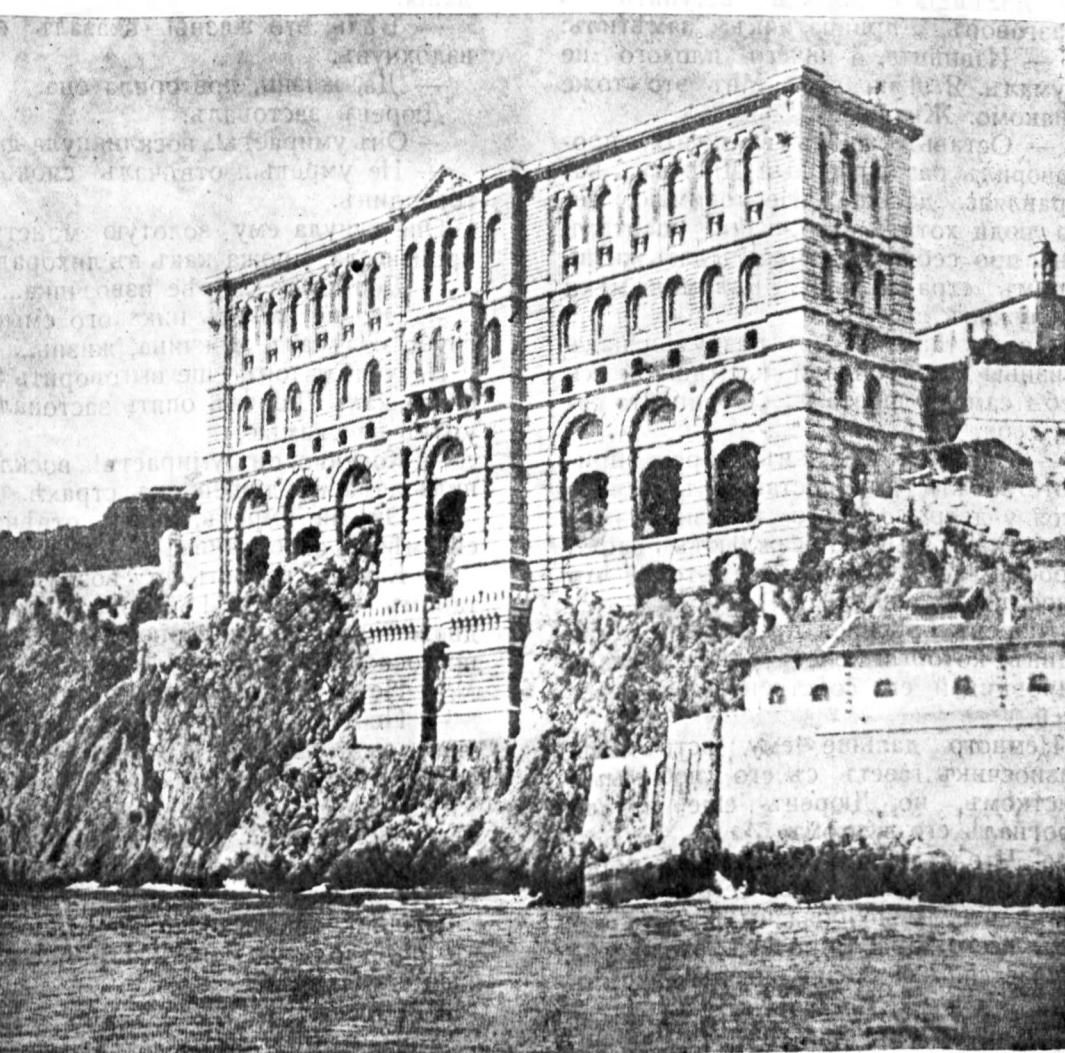
„Три царевны“.

Картина В. М. Васнецова, пожертвованная Третьяковской галлереи М. А. и М. К. Морозовыми.

Океанографический музей.

Боковой фасадъ.

Океанографический музей въ Монако.

Задний фасадъ.

Океанографический музей.

16 (29) марта въ Монте-Карло проходило торжественное открытие грандиозного океанографического музея, совпавшее съ двадцатипятилетней научной дѣятельностью его инициатора, князя монакского Альберта, состоящаго членомъ французской академии наукъ.

Постройка зданія музея, произвѣдшаяся подъ руководствомъ архитектора Делефортри, продолжалась десять лѣтъ. Въ учрежденіи музея принялъ большое участіе императоръ Вильгельмъ II, личный другъ князя Монако, и всѣ выдающіяся ученые общества Европы, представители которыхъ присутствовали при закладкѣ зданія. Но, главнымъ образомъ, музей строился на средства самого князя Альберта.

Зданіе музея расположено на обрывѣ высокой скалы, такимъ образомъ, что передний фасадъ выходитъ на улицу св. Мартина, задній же обращенъ къ морю, къ которому спускается красивыми террасами и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ достигаетъ высоты 78 метровъ.

Длина зданія доходитъ до 100 метровъ.

Оно выстроено въ строгомъ стилѣ, вполнѣ соотвѣтствующемъ самому характеру и задачамъ музея. Въ центральной части музея расположены большой залъ, предназначенный для конгрессовъ и торжественныхъ засѣданій, богато украшенный лѣпными орнаментами изъ жизни морскихъ губинъ.

Второй по величинѣ залъ отведенъ для разнаго рода инструментовъ и приборовъ, необходимыхъ при океаническихъ изслѣдованіяхъ. Здѣсь же помѣщены богатѣйшія коллекціи морской фауны и флоры, собранная княземъ Альбертомъ за всю его 25-лѣтнюю дѣятельность.

Въ залахъ первого этажа находятся модели судовъ, на которыхъ производились различные экспедиціи, въ томъ числѣ и къ сѣверному полюсу, какъ самого князя, такъ и другихъ лицъ, затѣмъ образцы всякаго рода рыболовныхъ снастей.

Въ боковыхъ частяхъ зданія расположены химическая и зоологическая лабораторія, библиотечный залъ, а также множество отдѣльныхъ рабочихъ комнатъ для иностраннѣхъ ученихъ гостей, которые будутъ сюда прїѣзжать.

Директоромъ музея, по плану кото-раго, главнымъ образомъ, производилось оборудование музея и распределеніе коллекцій, является И. Ришаръ.

Таиту,

супруга негуса Менелика.

Романь императрицы Абиссинии.

Общее внимание теперь обращаеть на себя абиссинская императрица Таиту.

Таиту происходить из народа и пятнадцатилетней девушки стала женой абиссинского негуса Феодора I.

Послѣ смерти своего первого супруга Таиту вела разгульную жизнь, влюбила въ себя одного изъ друзей покойного императора и женила его на себѣ. Послѣ этого она организовала восстаніе противъ нового негуса, Иоанна, желая сама возвести себя на тронъ. Возстаніе было подавлено, и Таиту въ наказаніе была отдана замужъ за прошаго солдата.

Въ лагерѣ эта энергичная женщина обратила на себя вниманіе офицеровъ. И, когда послѣ смерти Иоанна былъ избранъ негусомъ Менеликъ, она обратила на себя его вниманіе и сдѣлалась опять абиссинской императрицею.

ЖИЗНЬ.

(Съ французскаго).

Блѣдный, измученный, съ печальными, глубоко запавшими глазами, онъ медленно спускался по лестницѣ, держася за перила, какъ будто боялся упасть. Иногда онъ останавливался и глубоко вздыхалъ. Взглядъ его безсмысленно блуждалъ, а изъ груди вырывались болѣзненные стоны.

Снизу послышались шаги. Это на встрѣчу ему шла его сосѣдка.

— Что съ вами, господинъ Дюренъ — воскликнула она — отчего у васъ такой ужасный видъ?

Встрѣча съ доброй г-жею Витте, которую Дюренъ зналъ давнѣмъ-давно и съ которой, при встрѣчахъ на лестницѣ, каждый разъ болталъ о разныхъ пустякахъ, — теперь была не-пріятна ему. Ея любопытство и желаніе залѣзть въ чужую душу были противны. Онъ безмолвно и слабо пожалъ ей руку и уставился взглядомъ на кончикъ своего ботинка. Затѣмъ усталымъ движеніемъ хотѣлъ продолжать путь, но женщина остановила его.

— Нѣтъ, господинъ Дюренъ, начала она съ какимъ-то особеннымъ значеніемъ, этого я не допущу. Мы, вѣдь,

не вчера познакомились, и я не могу позволить вамъ идти въ такомъ настроеніи. Васъ какъ будто что-то даетъ; вы не довѣряете мнѣ, но все-таки можете рѣшиться повѣдать свое горе: раздѣленная боль — есть половина боли.

Онъ смотрѣлъ ей въ лицо съ нескрываемой досадой. Г-жа Витте испугалась. Теперь ей еще больше бросился въ глаза его ужасный видъ, и тономъ, полнымъ сочувствія, она посовѣтовала ему лучше посидѣть дома, если онъ боленъ.

Домъ не излечить меня, отвѣчалъ онъ слабымъ, дрожащимъ голосомъ, я не нахожу покоя, но... каждый долженъ нести свой крестъ, — спокойно добавилъ онъ, какъ будто замѣтилъ настойчивый вопросъ, съ которымъ г-жа Витте наблюдала его. — Вы, вѣроятно, тоже испытывали это.

— Испытала ли это я!.. проговорила она, не понимая его, и быстро прибавила: — Вѣдь, это — жизнь!

— Ахъ, г-жа Витте, не начинайте только о жизни, жизни нѣть... и не ея вина...

— Не говорите этого, жизнь это — мученіе, жизнь, знаете ли вы...

Онъ прервалъ ея краснорѣчіе.

— Завтра, завтра, г-жа Витте, а сегодня мы лучше не будемъ говорить объ этомъ, сказалъ онъ, спускаясь внизъ.

У воротъ его встрѣтилъ привратникъ. Послѣдній снялъ фуражку и хотѣлъ пройти мимо, но остановился.

— Господинъ, проговорилъ онъ, — что съ вами случилось? Правда, вы давно уже удивляли меня, сегодня же особенно...

И когда лицо Дюрена не выразило ни малѣшаго желанія вступить въ разговоръ, привратникъ замѣтилъ:

— Извините, я ничего плохого не думалъ. Я знаю это... Мнѣ это тоже знакомо. Жизнь!...

— Оставьте жизнь въ покое, проговорилъ раздраженный Дюренъ, направляясь дальше. — Не понимаю, чѣго люди хотятъ отъ жизни, шепталъ онъ про себя, — что можетъ дать жизнь моимъ страданіямъ... Всѣ мои муки заслужилъ я самъ.

Онъ остановился въ раздумья надъ жизнью и съ горькой насмѣшкой къ себѣ самому шепталъ: „Обвиняйте сами себя, а не жизнь!...

— Здравствуйте, г-нъ Дюренъ, привѣтствовалъ его поставщикъ сигаръ, стоя у дверей своего магазина, — что за осення мысли осаждаютъ васъ?! Бросьте, не стоитъ... Все это не что иное, какъ жизнь.

Дюренъ бросился въ сторону. Еще одинъ, который хочетъ сдѣлать жизнь виновницей его собственныхъ глупостей.

Немногого дальше ему встрѣтился разносчикъ газетъ съ его любимымъ листкомъ, но Дюренъ еще издали прогналъ его жестомъ.

— Что съ вами? — произнесъ пораженный газетчикъ, — вы сегодня такъ выглядите, точно обязаны купить газеты всего мира! Впрочемъ, это иногда случается. Ахъ жизнь, жизнь... запѣль онъ.

На площади навстрѣчу Дюрену шелъ знакомый.

— Чѣмъ это вы такъ измучены? — было первое, что сказалъ ему Ботье.

Дюренъ рѣшилъ молчать и неподвижно стоять.

— Это приносить съ собой жизнь, проговорилъ знакомый.

— Сдѣлайте мнѣ единственное одолженіе, въ страшномъ волненіи просятъ Дюренъ, но его знакомый не далъ ему высказаться.

— Да, да, дорогой другъ, жизнь...

Не желая дальше слушать обвинителя жизни, Дюренъ, насколько ему позволяла усталость, быстро пробѣжалъ улицу и подошелъ къ Булонскому лѣсу.

— Туда, въ глубину очаровательного парка; тамъ на скамеекѣ я отдохну, подумалъ онъ, и, удалившись вглубь парка, усѣлся на одной изъ скамеекъ.

Мимо проходила элегантная дама. Она взглянула на Дюрена, и его страшный видъ остановилъ ее. Ей показалось, что онъ испытываетъ страшные физическія страданія. Она подошла къ нему и тихо спросила:

— Вы нездоровы?...

Только теперь онъ замѣтилъ ее, быстро поднялся, чтобы уйти, но обезсиленный опять опустился на скамью. Дама безпомощно стояла и не знала, чѣмъ помочь ему.

Въ это время по аллѣѣ шелъ какой-то господинъ, и дама обратилась къ нему.

— Нѣть, этого я не сдѣлаю, — отвѣтилъ онъ на ея просьбу помочь больному.

Дама была поражена, но мужчина равнодушно проговорилъ:

— Обо мнѣ никто не беспокоится, чего же ради я буду думать о другихъ?...

И она замѣтила, что на лицѣ этого человѣка лежала глубокая печать страданія.

— Вѣдь, это жизнь! — сказалъ онъ, вздохнувъ.

— Да, жизнь, повторила она. Дюренъ застоналъ.

— Онъ умираетъ!.. воскликнула дама.

— Не умретъ... отвѣчалъ спокойно господинъ.

Она сунула ему золотую монету и произнесла, дрожа какъ въ лихорадкѣ:

— Достаньте скорѣе извозчика...

— Это не имѣть никакого смысла, грубо отвѣчалъ мужчина, жизнь...

Не успѣлъ онъ еще выговорить эти слова, какъ Дюренъ опять застоналъ и упалъ на скамью.

— Конечно, онъ умираетъ!.. воскликнула дама въ душевномъ страхѣ.

— Онъ не умретъ, опять отвѣчалъ ей смѣясь собесѣдникъ.

— Какая грубость, я возмущаюсь такимъ поступкомъ! и она сдѣлала движеніе по направлению къ Дюрену, но господинъ остановилъ ее.

— Не смѣть! крикнулъ онъ.

— Почему? — возмущенная спросила она.

— Вы не видите?

— Чего?

— Онъ пьянъ...

Дама отскочила отъ Дюрена и бросилась въ глубь парка.

Хладнокровный господинъ держалъ въ руки золотую монету и громко смеялся ей вслѣдъ.

А Дюренъ стоналъ...